

Аргументы и факты в Туле. – 2018. – № 7. – 14-20 февраля. – С. 15.

Электронная почта принесла письмо от старого друга. Ничего особенного: у меня всё хорошо, как сам, погоды стоят отвратительные... Ну и что, казалось бы? А то, что отправитель Евгений Муравьёв, которому на тот момент шёл уже 59 год, ничего не видел. То есть абсолютно ничего. Полная потеря зрения в 1985 году. Как это?!

Ну и что, что очкарик?

Рос в пригороде Новомосковска, в посёлке Гипсового комбината, обычный парень. Ничем особым не отличался, разве что плоховато видел. Но мало ли очкариков было во все времена, даже с такой заметной близорукостью как –5. Слишком уж она ему не мешала. Не мешала много читать, понемногу брэнчать на гитаре и постигать азы судомодельного спорта. А главное – мечтать о море. Думал по окончании школы идти в мореходку.

Однако, повзрослев, понял: с его зрением на море побывать он сможет разве что в качестве туриста. Растерялся немного, но окончательно хоронить мечту не стал. После 10 класса пошёл в техническое училище, специальность какую-то всё равно иметь надо, а там, думал Женя, наука что-нибудь да придумает.

Через год Евгений Муравьёв вышел из ТУ № 2 специалистом по ремонту контрольно-измерительных приборов. Профессия, среди прочих рабочих, считающаяся интеллигентной. А что – не ломом махать и даже не гайки закручивать. Достаточно

тонко руками уметь надо действовать, что для судомоделиста уже с большим стажем, извините за каламбур, было только на руку.

На крупное предприятие, являвшееся базовым для училища, его не взяли. Не взяли и в городскую котельную. Вежливые объясняли так: работа ответственная, а производство опасное, сам понимаешь, вдруг что... А хамы резали «правду-матку»: ты сейчас устроишься – и сразу на больничный, оно мне надо?! А он на больничный не собирался: зачем? Тогда ещё не догадывался, что судьба готовит ему удар посерьёзнее. Ну нет, так нет, и пошёл благодаря доброму человеку – а в его жизни такие, по счастью, часто встречаются – в лаборанты, в Институт МХТИ им. Менделеева. В расчёте на то, что будет там не только работать, но и учиться, на вечернем. И начал учиться, но скоро бросил. Принцип «мне бы только диплом агронома получить, а там хоть трава не расти!» не вдохновлял. Зато вдохновило предложение занять должность завхоза на институтской водноспортивной базе.

Расстался, потому что любил

Шатское водохранилище – не море, конечно, но в Тульской области самый крупный водоём: кое-где от берега до берега почти два километра будет. И волна порой гуляет чуть ли не океанская. И глубины есть морские, и заливы. В общем, пусть и частичное, но осуществление детской мечты. А должность завхоза – это только должность. Вскоре Женя стал исполнять обязанности спасателя, потом тренера и, в конце концов, дослужился до директора.

Вспоминает он теперь о той счастливой поре с видимым удовольствием. Как же: в его распоряжении была яхта «Бриз», семь с половиной метров, с каютами! Это для доцентов с кандидатами. Муравьёв одним из первых в Новомосковске освоил только появившийся тогда, в начале 80-х, виндсёрфинг. В общем, был он солнца и ветра брат. Такой работе, которая, по большому счёту, скорее не работа, а образ жизни – яркой, насыщенной – многие позавидуют и сейчас.

Помимо хождения по волнам, Муравьёв поднял уровень новомосковского судомодельного спорта на такую высоту, что возглавляемая им команда заинтересованной ребятни год от года поднималась всё выше в турнирной таблице областного первенства. И это первенство в итоге стали проводить не в Туле, а в Новомосковске. Намечалось и счастье в личной жизни. Однако Женя осторожничал. Ему

было 26, ей 20. А что если... И тогда в двадцать, к примеру, три года она станет женой инвалида по зрению. Проще говоря – слепого. Этого допустить он не мог: любил.

Не осталось ни-че-го

Сейчас он рассказывает об этом в дружеской беседе просто, без какого бы то ни было надрыва. Даже не хмурится, не прерывается на тягостные паузы. И уж тем более не пускает слезы, пусть и скупой мужской:

- Что такое отслойка сетчатки? Сначала появляется как бы занавесочка сверху на глазу. Потом всё хуже и хуже. Конечно, - в Институт Гельмгольца. Там меня пытались лечить и даже оперировали. Не помогло. Оттуда вернулся я уже практически незрячим. Нет, окончательно надежды я тогда не терял, рассуждая, как и в юности, что наука что-нибудь да придумает. Но, сказал мне однажды один мудрый доктор, наука, конечно, на месте не стоит, но идёт не так быстро, как хотелось бы.

Короче говоря, не осталось у меня ни-че-го. Ни любимой работы, ни судомодельного интереса, ни музыки, ни личной жизни. Когда меня привезли из Москвы после очередной попытки что-то изменить, понял: это всё. И. разумеется, впал в некоторую протрацию. Слушал радио. Или телевизор. Всё надоело примерно через месяц. Истерик не закатывал, но были и мысли: что делать дальше?

Дал пинка

Однажды заявился к нему друг Саша и довольно эмоционально спросил: а какого рожна ты тут сидишь?! Вставай, одевайся, поехали! И поехал инвалид по зрению Евгений Муравьёв, которому ещё и тридцати не было, на предприятие, где работали в том числе совсем незрячие, – учебно-производственное предприятие Всероссийского общества слепых. Ныне «Низвольт». На работу вышел 21 апреля 1986 года.

Металлоштамповка – это когда молотит беспрерывно шумный агрегат, тиражируя некие детали, и кажется, зрячий через пять минут как минимум без пальцев останется. Не то

что слепой. Оказалось, не так всё сложно. И Евгений довольно-таки быстро приноровился. К тому же в те времена на предприятии, в те годы глубоко опекаемом государством, трудились около трёхсот пятидесяти человек, из них почти двести – слабовидящие и совсем слепые. Это коллектив, это общение. А зарплата! Наш герой зарабатывал в месяц 120 рублей, с пенсией получалось 200 – в то время куда больше, нежели рядовой инженер.

Но не работой единой довольствовался. Взял да и освоил самостоятельно азбуку Брайля.

Потом была агитбригада – при заводском клубе. Ребята попросили: мол, Женя, нам тексты нужны. Ну речёвки там, кричалки всякие, частушки. Ты вроде стишками балуешься? Получилось у него легко, но без штампов и пошлости. Вспомнил, что когда с пятнадцати лет начал наигрывать на гитаре, то со временем смотреть на гриф необходимости не было уже. В общем, пошло-поехало. С немалым удивлением для себя заметил, что жить-то опять стало интересно! Говорит сейчас: настолько хотелось чего-то нового, что и в балет на лёду пошёл бы! На лёд не пошёл, отправился в драмкружок. В который, кстати, и сейчас ходит.

Тяга к новым свершениям не пропадает. И вот теперь он мне пишет из Железногорска Курской области без посторонней помощи. Муравьёв не преминул воспользоваться предложением Тульского отделения ВОС и два с половиной месяца постигал в тамошнем филиале центра реабилитации слепых азы работы с компьютером. Хакером, шутит, конечно, не стал, но переписку ведёт легко. А ещё составил собственную фонотеку, в которой на сегодняшний день около полутора тысяч аудиокниг.

Виноватых искать некогда

«Времени жаль, что уходит куда-то / Валим на жизнь – она виновата...» Это строчка из второй уже по счёту книжки стихов Евгения Муравьёва, называется «Черта». Сам он на жизнь вину в своей беде и прочих мелких неурядицах не валит никогда. Некогда.

Гитару он вспомнил, поиграл давно забытые песенки, которые разучивал с друзьями ещё в школьном ВИА, и как-то незаметно стал сочинять свои. Качество их оценивали

сначала исключительно друзья. Кстати, его первая книжка так и называется: «Я пою для друзей». А поскольку друзей, настоящих, становилось всё больше, то скоро нашлись такие, кто сказал: пора бы тебе, друг, и на сцену.

Коль скоро на всю область нашёлся только один незрячий бард, охваченный вниманием регионального отделения ВОС, то он, то есть Евгений Муравьёв, и отправился на фестиваль в Иваново. С тех пор фестивальная его история только множится. В подмосковном Михнево был несколько раз. Конечно, наш родной ежегодный фестиваль на Куликовом поле, на котором стал лауреатом, получив приз «За высокое исполнительское мастерство», а теперь уже и членом жюри.

Вот что важно: он выступает на фестивалях не на каких-то «щадящих» условиях, без всяких поблажек и скидок на то, что незрячий. Как все выступает. Однажды на фестивальной поляне в Монастырщине по соседству поставили свои палатки ребята из Краснодара и Подольска. Три дня, образно говоря, хлебали из одного котелка, и новые друзья даже не заметили, что Муравьёв незрячий. Они таскали к лагерю дрова, а он рубил их и складывал в поленницы. Обратили внимание только, что жена Таня сильно его любит, всегда-то они под ручку.

О любви

Когда Муравьёв перебрался от родителей в интернат, на другой край Новомосковска, чтобы быть поближе к заводу, в его комнатке вскоре появилась надежда. Её, кстати, так и звали – Надежда. Надя даже немножко видела, что существенно облегчало жизнь обоим. Жили – не сказать, чтобы уж очень плохо. Одно его тяготило: чувствовал, что для Нади его скромная холостяцкая комната – явление непостоянное. Да, вместе, да, дружеские застолья то и дело. Не скучно. Но и только. Потом она и вовсе ушла.

Татьяна появилась в его комнатке случайно. Общая знакомая привела. Раз пришла, другой. Будучи зрячей, не навязывала помощи по хозяйству, не демонстрировала показного горячего участия в его судьбе. Вообще вела себя так, что будто вовсе и не было между ними никакой разницы: вижу – не вижу.

Однажды пошли они в кафе, по-дружески. Посидели, вышли на улицу – дождик

припустил, колючий такой. Укрылись под деревом, смеялись. Под ногами осенняя листва шуршала. Так хорошо было. Уже когда сошлись и стали жить вместе, Таня призналась. что приходила к Жене, когда ей бывало совсем круто. Смотрела на него и думала: вот ему стократ труднее, однако он живёт и радуется, а я?.. Вместе они уже пятнадцать лет.

...В январе Татьяна привезла Женю на их машине в центральную городскую библиотеку на вечер памяти Владимира Высоцкого. В отличие от других участников, он спел песни не Высоцкого, свои. Обоснованно полагая, что лучше Высоцкого споёт только Высоцкий. Но очень, как говорится, в тему спел. За что и снискал самые жаркие аплодисменты.

А. Лифке; фото С. Жигалевой

АФОРИЗМ

Дружба должна быть прочной штукой, способной пережить все перемены температуры и все толчки той ухабистой дороги, по которой совершают своё жизненное путешествие дельные и порядочные люди.

Александр Герцен, русский публицист, писатель

{comments on}